КОММУНИСТ г. Ереван

1936 — Алексей Максимович Горький — 1951

**

Пламенный борец за коммунизм

Жизнь и борьба советского народа за построение величественного здания коммунизма неотделимы от деятельности гениального художника, пламенного трибуна нового мира Алексея Максимовича Горького.

Современник и друг Ленина и Сталина, великий писатель с первых шагов своей творческой деятельности жил одними чувствами и мыслями с трудящимися, с теми, кто впервые из всех народов и времен под руководством партии большевиков поднялся на решительную борьбу за осуществление светлых идеалов человечества.

В эпоху мрачной реакции великий предвестник и глашатай революции увидел прекрасное будущее русского народа, верил в то, что «Россия будет самой яркой демократией земли».

Мечта великого патриота о новой жизни и свободном творческом труде, о земле, превращенной в цветущий сад, когда человек «круг земли пошел бы да всю распахал», «век бы ходил—города городил», сделал бы землю «изумрудом дорогим», воплотилась в жизни и деятельности советского народа.

Своими высокохудожественными произведениями, статьями и очерками Алексей Максимович Горький активно участвовал и участвует в социалистическом переустройстве страны, вмешивается «в самую гущу жизни». Стахановское движение, развернувшееся по всей стране, стирание граней «материальной культуры города и деревни», укрепление колхозов, каждый успех советского народа радовал пламенное сердце большевика.

В письме к рабочим и трудящимся города Горького Алексей Максимович писал: «Думаю, что все, что я говорю, не выражает и сотой доли той радости, той гордости, которой горит сердце мое, когда я подвожу итоги изумительной работе вашей...»

Отзываясь на все передовое и новое, большое сердце художника болело за каждый сорняк, мешающий созреванию ростков коммунизма в нашей стране.

Гневом и сарказмом проникнуты статьи, направленные против вредителей, лентяев, пошляков, котрые бросают на «...нашу светлую, чудодейственную работу серые, грязные тени пошлости, безразличия, равнодушия, мелкого жульничества, мещанского своекорыстия».

Через всю свою жизнь великий гуманист пронес мечту о новом человеке, человеке-труженике, творце, преобразователе жизни.

Впервые в истории мировой литературы Алексей Максимович Горький воспел труд, как радость, утверждая, что нет пути к счастью более верного, чем путь свободного труда.

Великий художник видел в трудовом народе непочатый родник энергии, таланта, который пропадал под гнетом капиталистического общества, только в свободной стране Советов люди, одухотворенные великими идеями построения коммунизма, творят чудеса.

Горьковский герой, смелый, талантливый, дерзновенный человек, Человек с большой буквы. Это он в небывало короткие сроки возводит новые города, строит гидроэлектростанции на Волге, Дону, новые каналы в безводных степях, перекраивает карту своей родины, изучает природу, чтобы заставить ее работать с точностью и продуктивностью машин. Созидательный труд советских людей делает Родину непобедимой, землю прекрасной и богатой. «...близок год,—писал Горький,—когда каждый гражданин Союза Советов будет иметь все необходимое ему в избытке...»

«—Нужно ли напоминать, что этим и об'ясняется дикая ненависть буржуазии к Союзу?»—говорят Горький.

Страстный борец против империализма, фашизма, реакции, великий писатель неустанно предупреждал о войнах, к которым бешено готовились правящие круги Европы и Америки, испуганные успехами, достигнутыми советским народом на пути к социализму, и неизмеримо возросшим авторитетом нашего государства. «Наше дело в эти дни, — пишет он, — возбуждать боевую силу пролетариата, внушать ему необходимость мужественного сопротивления подлой и кровавой затее нового всемирного взаимного истребления друг друга пролетариями Запада и Востока, затее порабощения физической силой пролетариата одних стран пролетариев других стран». Воинствующий патриотизм, большевистская партийность помогли писателю еще задолго до победы Октябрьской революции правильно разглядеть и разоблачить американский империализм, американскую цивилизацию доллара и бизнеса, как самую уродливую цивилизацию нашей планеты.

«Царство желтого дьявола», — так метко охарактеризовал великий буревестник революции страну, магнаты которой претендуют на господство в мире, проповедуют расовую теорию превосходства американцев над другими нациями, стремятся подчинить себе, поработить народы. «Они воображают, — пишет Горький, — что война поможет им выскочить из тисков экономического кризиса, созданного анархией производства, идиотизмом страсти к наживе».

Вглядываясь в будущее истории, гениальный пролетарский писатель ясно видел неизбежность гибели капитализма, призывал трудящихся встретить поджигателей войны таким ударом, который «...превратился бы в последний удар по башке капитала и сбросил его в могилу, вполне своевременно вырытую для него историей».

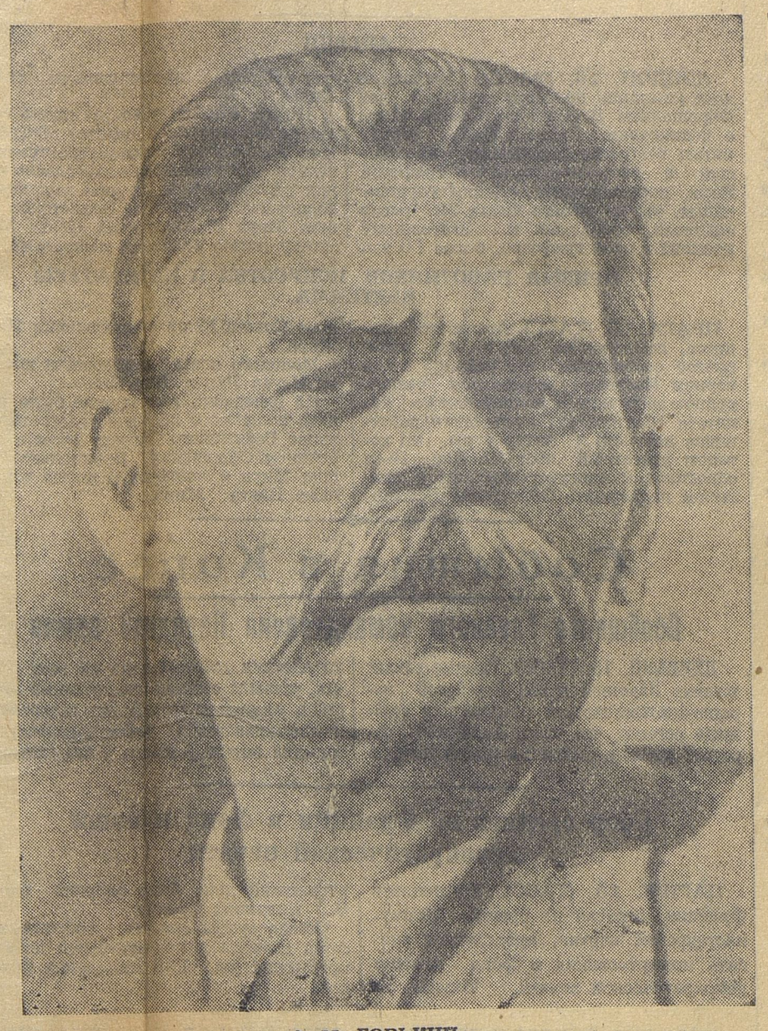
В ответ на вопрос иностранного журнала—«Что можно сделать для избежания войны?» — Горький ответил: «Тоже самое, что сделано в Союзе Советов».

Совершить социалистическую революцию во всех странах—вот в чем видел конец войнам и всем бедствиям народа великий патриот. Как подлинный интернационалист, Алексей Максимович Горький боролся за торжество великих идей коммунизма во всех странах.

«Я, русский, борюсь за торжество тех же идей, что и вы; — писал он прогрессивному китайскому деятелю Сун Ят-сену, где бы эти идеи не победили, — я, как и вы, счастлив победой».

Алексей Максимович Горький был, уверен в полном торжестве великих идей Ленина—Сталина, в том, что Советский Союз, взяв на себя роль передовой армии коммунизма, «...увлечет за собой все народы к созданию новой жизни»..

Е. ЕСАЯН.



А. М. ГОРЬКИЙ.

Любимый писатель

Алексей Максимович Горький щедро раскрывал свое сердце и богатую душу навстречу самому боевому, деятельному и неутомимому в жизни—навстречу советской молодежи. Молодежь платит своему великому писателю горячей, неослабевающей любовью и признательностью. Они рождаются уже с того самого момента, когда детским воображением завладевают вместе с Русланом Пушкина, крестьянскими детьми Некрасова и Каштанкой Чехова, маленький Ленька — отважный и пытливый, лишенный ласки и права, но гордый и неподдужный.

Мечтой о счастьи человека и верой в светлое будущее созданы все без исключения произведения Горького, составляющие честь, гордость и славу нашего Отечества, представляющие ныне его социалистическую культуру. Только этой мечтой и революционным пафосом пролетария и могло быть рождено горьковское богатейшее творчество, только ими могли быть созданы Данко и Павел. Это сделало Горького служителем родного народа.

Горький провозгласил и отстаивал право человека на счастье и мир, им же самим завоеванные. Не было у Горького иного идеала, чем — советский человек. Не было иной любви, кроме любви к прославленной трудами этого человека Родине.

Любви Максима Горького к своему Отечеству и его герою, в равной мере соответствовала непримиримая большевистская ненависть к его смертельному врагу — фашизму. Горький ненавидел фашизм страстно, гневно.

Горький живет в сердцах и мыслях советских людей, а эта жизнь—самая долговечная. Мысли и творения своего писателя и большого друга, путеводителя в жизни, советская молодежь бережно хранит, претворяя их в сегодняшнюю жизнь. Нет силы, способной затушить пламя данковского сердца. «Голосом—семиструнный, а душой—семисаженный», великий гуманист и борец Горький живет вместе с нами, помогая нам в нашем повседневном труде.

В своей любви и ненависти молодой человек—наш современник —ощущает и будет ощущать внимательный взгляд горьковских глаз, не прощающих слабости и отступления, зовущих к одному: «Только вперед».

Нателла БАШИНДЖАГЯН.
студентка I курса филологического факультета Ереванского университета имени Молотова.

**

А. М. Горький и армянская культура

Смерть Горького явилась величайшей потерей для всего передового человечества. Армянский народ утратил в Горьком любимого писателя, человека, горячо заинтересованного в созидании новой армянской социалистической культуры. Свыше полустолетия знает армянский читатель Горького. «Песня о соколе»,—песня о безумстве храбрых была первым произведением Горького, прозвучавшим еще в 1899 году на армянском языке.

Горьким был создан бессмертный образ Данко, человека, пламенеющим сердцем освещающего путь к борьбе миллионов. В горьковских образах трудящиеся видели воплощение черт героических борцов за свободу и счастье человечества. Канун революции 1905 года был периодом, когда слово Горького звучало как набат на языках различных национальностей.

В 1904 году вышло 5 отдельных изданий горьковских произведений на армянском языке, многочисленные переводы появились в периодической печати. Особенной популярностью пользовались «Песня о соколе», «Песня о Буревестнике» и «Сердце Данко», («Старуха Изергиль»).

Вдохновленный идеями Ленина и Сталина, Горький выступал в 1905 году, как пропагандист и агитатор идей дружбы и солидарности среди народов Закавказья. Очень сильное впечатление на армянскую общественность произвело письмо Горького «О кавказских событиях», направленное против попыток самодержавия разжечь национальную вражду, провозглашавшее идеи дружбы и братства народов. Это письмо было перепечатано в армянской периодической печати.

Горького пропагандировали и переводили большевики - публицисты С. Шаумян, С. Спандарян, А. Мравян, классики армянской литературы Ов. Туманян. Акоп Акопян, А. Исаакян, Нар-Дос и другие. Первое издание рассказа Горького «Однажды осенью» в 1901 году вышло в переводе С. Шаумяна.

Этой широкой популярности и всенародной любви к Горькому царское самодержавие пыталось противопоставить последовательную борьбу с проникновением горьковского слова в армянскую действительность. Для этого были предприняты всевозможные меры, в том числе широко использован цензурный комитет. Цензура конфисковала номера армянских журналов, если в них публиковались переводы горьковских произведений. Было запрещено отдельное издание «Песни о Соколе» на армянском языке. Цензировавший армянские издания Дэгомирецкий докладывал по этому поводу на заседании от 24 апреля 1903 года: «на рассмотрение С. Петербургского цензурного комитета поступила рукопись на армянском языке под заглавием «Песня о соколе» соч. М. Горького перевод Л. Туманяна. Ввиду тенденциозности, по моему мнению содержания этого сочинения, а также полученных мною сведений о том, что отдельным изданием «Песня о соколе» неоднократно запрещалась цензурой, позволяю себе представить мое предположение о запрещении сего сочинения на усмотрение комитета... Определено: Рукопись к напечатанию «не разрешать».

Однако цензура в целом ряде случаев оказывалась бессильной. Горького переводили и печатали.

Армянская большевистская печать, следуя ленинским принципам, повела борьбу за Горького. Особенно большое значение имели выступления С. Шаумяна и С. Спандаряна.

Оценивая творчество Горького и его значение для пролетариата, Шаумян писал: «...Горький составляет красу и гордость пролетарской литературы. И рабочие с гордостью могут заявить: Да, Горький наш. Он наш художник, наш друг и соратник в великой борьбе за освобождение труда».

Борьба вокруг Горького значительно обострилась в связи с изданием «Сборника армянской литературы». Подготовка сборника была начата в 1915 году. Официальная печать в это время была преисполнена шовинистическим угаром. Самодержавие всячески пыталось разжечь национальную вражду. «Только партия большевиков осталась верной великому знамени революционного интернационализма». Этому великому знамени служил Горький. Политике человеконенавистничества, натравливания друг на друга различных народов Горький противопоставил идеи революционного интернационализма, дружбы и взаимного уважения народов. Эту дружбу Горький видел, прежде всего, в культурном общении, в ознакомлении с литературными ценностями народов. Практическим осуществлением этих горьковских идей было издание сборников национальных литератур, в том числе и армянского сборника.

В «Сборнике армянской литературы» были представлены армянская поэзия, проза и драматургия. Это было первое издание армянской литературы на русском языке.

Горьковский сборник был совершенно новым явлением и с точки зрения восприятия национальной литературы, и с точки зрения принципов ее перевода. Горький активно участвовал в редактировании переводов.

Если значение Горького в жизни армянского народа было велико до Октябрьской революции, то после установления советской власти в Армении это значение неизмеримо возросло. Вдохновленные указаниями Ленина и Сталина, писатели Советской Армении начали создавать новую, советскую армянскую литературу—литературу социалистического реализма. Путь развития армянской советской литературы тесно связан с Горьким. Выступления Горького по вопросам литературы, языка, стиля социалистического реализма являлись руководящими для армянских писателей. Творчество Горького—неисчерпаемый источник вдохновения и серьезной вдумчивой учебы для мастеров армянской литературы и искусства.

Аветик Исаакян с восторгом пишет о Горьком: «Наравне с великолепным талантом меня очаровывает в Максиме Горьком его большое человеческое сердце...»

Горький явился крупнейшим писателем гуманистом, основателем пролетарской литературы, болеющим и мечтающим о счастье человека и храбро борющимся за его осуществление».

Поэты Советской Армении посвятили Горькому свои лучшие произведения.

На сцене армянского театра нашли свое художественное воплощение многие из бессмертных пьес великого писателя.

Произведения Горького в Армянской ССР издавались сотни раз на армянском языке. Сегодня почти полностью осуществлены все переводы Горького. Большим событием явилось издание собрания его сочинений на армянском языке в 10 томах.

15 лет тому назад умер Горький, но и сегодня он среди нас в рядах строителей коммунистического общества, «как живой с живыми говоря». Трудящиеся Советской Армении учатся на произведениях Горького любить Родину, ненавидеть ее врагов, бороться за мир во всем мире. Творчество Горького стало неотемлемой частью армянской культуры, социалистической по содержанию, национальной по форме.

С. АРЕШЯН,
кандидат филологических наук.

Наш Горький

С каждым годом, прожитым нами на советской земле, в творческом, счастливом труде —присутствие Горького рядом с нами, вместе с нами—делается все ощутимее и ярче. Юбилейные даты дают нам лишь повод почувствовать постоянную, неуходящую близость Горького к нашим дням. С удивительной силой возвращаются к нам сказанные им слова, созданные им образы, возвращаются не как воспоминание, а как действенное оружие, которым мы пользуемся в нашей борьбе и работе. Недаром, вместо юбилейных статей о Горьком, наши центральные газеты дали нам недавно самого Горького, напечатав подряд несколько его очерков-памфлетов об Америке.

И эти страстные, остро обличительные очерки об американском империализме прозвучали с такой злободневной силой, как если бы они были написаны только сейчас и о сегодняшнем дне. Можно даже сказать, что именно сейчас, в наши дни, они были прочитаны полностью, а содержание их стало ясным и до конца нами понятым, пошло на действенное вооружение в той ежедневной борьбе, какую ведет человечество с американской агрессией. Глазами великого художника Горький сумел разглядеть страшные механические черты, черты, лишенные не только всего человеческого, но и всего живого,—в облике американской империалистической культуры и ее носителей. То, что стало сейчас видно каждому непредубежденному взгляду в поведении доллара-завоевателя на старых полях Европы, в ее музеях, на улицах старинных ее городов; та степень обесчеловечения, какую показал сейчас тупой янки-капиталист перед всем миром,—была вскрыта и гениально воплощена в художественных образах великим пролетарским писателем почти пять десятилетий назад.

Две силы, две больших страсти Горького,—**ненависть и любовь**, — ненависть к врагам новой культуры, любовь к новому человеку нашей социалистической Родины,—остаются до сих пор великой школой для воспитания борца. Мы учимся в этой школе, миллионы читателей учатся в ней всякий раз, как глаза наши встречаются со строчками Горького, впитывают любую из его бессмертных страниц. Нейтральных, спокойных, не озаренных этим скрытым огнем ненависти или любви—страниц у Горького нет.

Помню несколько лет назад, в Костроме—мне пришлось увидеть на сцене тамошнего театра пьесу Горького «Егор Булычев». Кострома—старинный русский город, родина исторического Ивана Сусанина,—в костромские леса и болота он завел когда-то польские легионы на погибель. Театр костромской овеян традициями А. Н. Островского, долго жившего в Костроме и присутствовавшего на постановке там своих пьес. Спектакль, как всегда бывает с «Егором Булычевым»,—потряс зрителей не только исполнением центральной роли, но и яркой выразительностью всех эпизодических ролей. И после него, в уютном директорском кабинете, мне пришлось услышать от исполнителя главной роли такую фразу: «Это у нас—самый советский спектакль». Во времена дооктябрьские, в сценах купеческой жизни, казалось-бы отвратительной по своей бессмысленности, в пьесе, целиком посвященной старому, уходящему миру,—Горький сумел вопло́тить нечто такое, что дало повод актеру назвать спектакль о прошлом—«самым советским спектаклем».

В чем тут дело? В силе художественного воплощения горьковской ненависти и любви.

Большой, полный скрытых сил, живой русский человек, хорошо определяемый словом «самородок»—Егор Булычев гибнет перед вами, на ваших глазах, гибнет от удушения старым капиталистическим строем, в тисках которого он не может найти себе человеческого исхода. И ненависть к этим тискам, воплощенным в серии эпизодических фигур, и любовь к человеку,—к силе и таланту, к душевным крыльям и возможностям человеческим, к желанию человека взлететь и вырваться, — охватывает зрителей, волнует и потрясает их, закаляет и тренирует в них те чувства и силы, которые необходимы для борьбы, для борцов. Вот, что дало право умному актеру назвать спектакль о Егоре Булычеве — «самым советским».

Для тех, кто имел счастье хоть несколько раз видеть вблизи Горького, слышать его негромкий глуховатый голос, наблюдать за ним долгие часы и следить смену выражений не только необыкновенно живого и подвижного лица его, но и всей сутуловатой, узкогрудой, но такой большой, такой мальчишески-нескладной даже на старости фигуры Горького,—для тех навсегда запомнилась сила его любви и ненависти уже не только в литературном слове, а в живом человеческом выражении. Горький был постоянно в теснейшем общении с тысячами людей и явлений. Он был одним из тех писателей, кто не только не пугается обилия получаемых писем от читателей, не только аккуратно отвечает, на них, но и любит их, ждет их, видит в получении их одну из необходимых связей с окружающим миром. Живя в Италии, далеко от Советского Союза и наших писательских дел, за тысячи километров от выходивших в разных углах советской земли журналов, газет и книг, Горький, благодаря своей постоянной и многообразной переписке, был подчас в десять раз лучше, чем мы, осведомлен о новых наших книгах, о каком-нибудь сборнике, вышедшем в Иркутске, о какой-нибудь статье, напечатанной в районной газете Заполярья. И он на все живо, душевно, выразительно реагировал.

Эта молниеносная горьковская реакция сказывалась и во внешнем его облике. Вот он сидит за длинным своим столом на подмосковной даче. Вокруг него—приехавшие в гости писатели. Против него — в черной шапочке на овальной, как яйцо, полуголой голове, с бледным старческой бледностью, умным и тонким лицом, — французским лицом во всей утонченной прелести старого латинского типа,—сидит утомленный Ромэн Роллан и за плечом его—русская жена Роллана. Склоняясь к его уху, она быстро переводит на французский язык речи писателей. Что они говорят? Не нужно смотреть ни на этих писателей, ни на Роллана. Тот, кто наблюдает в эту минуту за Горьким, может по выражению его лица с абсолютной точностью сказать, что и как говорит очередной оратор. Горькому скучно, Горький оживает, он недоуменно приподымает бровь, он скрытно, про себя улыбается, он вдруг двинул под усами губой, он весь просиял, словно в темную комнату лампу внесли,—весь он мгновенная смена реакций, художник, вся сила которого — в обнаженной остроте восприятий, в страстном схватывании внешнего впечатления, в молниеносной переработке его и отклике на него...

Когда перед Горьким сидел равнодушный мещанин, скрытый недоброжелатель,—затушеванные характеры с антисоветским нутром, — Горький реагировал не на эту защитную стенку затушеванности, не на внешнее равнодушие, благоприличие, серость, а на присутствие врага. И реакция его была огромна. Всей силой своей ненависти обрушивался он в репликах, в ответе, в заострившихся чертах лица, в сильных нотках приподнятого голоса, в нервном битье пальцами о стол—на враждебное нашему строю, нашей советской душевной атмосфере явление. Даже волосы в усах, на затылке его, казалось, топорщились, привставали, как иглы ежа, становясь более жесткими. Тон и слова его подчас казались более острыми и злыми, чем того заслуживал человек, представлявшийся вам маленьким и ничтожным. Но Горький видел перед собой не одного человека, а скрытое явление за ним; он обобщал, он шел на обобщенную им рать врагов. Сильнее той ненависти, с какою он сумел в своих статьях сражать и сразить мещанство, пожалуй, не найдешь во всей мировой литературе.

И я не видела нигде, никогда, ни в одном человеке такого эмоционального выражения любви к новому, как в Горьком.

Когда он вернулся из Италии на Родину, он был охвачен страстной жаждой увидеть, услышать, узнать как можно больше. Уже старый, с затяжным кашлем, иной раз больной, почти всегда переутомленный, Горький отвечал на приглашения народа, ездил в отдаленные республики, спускался в шахты, поднимался на строительные леса, любовался синими водами Каспия в Баку, смотрел на Арарат из Еревана, шел по усыпанной иглами тропинке в сибирской тайге, встречался со сталеварами, студентами, академиками, комсомолом, пионерами, пограничниками, колхозницами, слушал их, отвечал им,—и **плакал...** Многие, многие,—тысячи людей, — видели, слышали и запомнили этот срывающийся от волнения голос Горького, его светлые бледно-голубые глаза, подернутые крупной слезой, скатывающейся на дрожащие усы, его добрые увлаженные морщины, его сконфуженную улыбку хорошей стыдливости за свое волнение. Страстный писатель, прозорливый художник,—гений, умевший смертельно ненавидеть врага, отвечавший на любые оскорбления стальным, закаленным голосом борца, для которого нет и не может быть никакой слабости, у которого не может дрогнуть голос, дрогнуть перо в бою,—плакал от любви к увиденному им новому миру, новому человеку, плакал и не скрывал слез своих.

«Всю мою жизнь я видел героями только людей, которые любят и умеют работать, людей, которые ставят целью себе освобождение всех сил человека для творчества, для украшения земли, для организации на ней форм жизни, достойных человека».—писал Горький в одной из своих статей. И со всей силой любви, великой, бессмертной любви художника, приветствовал он это освобождение сил человека, этого нового человека, когда увидел его воочию...

Нельзя забыть эту любовь Горького! Нельзя не чувствовать его постоянного, направляющего присутствия возле нас,—требующего от современных художников слова: запечатлеть наш новый мир, как этого хотел Горький.

Мариэтта ШАГИНЯН.

Как живой с живыми

Нам запомнилась мысль А. Н. Толстого: у такого писателя, как Горький, не две даты, даты рождения и смерти, а только одна — рождения. Жизнь Горького, жизнь его произведений не останавливалась ни на мгновенье.

Велика наша сыновняя любовь к Горькому, к неувядаемой силе его прозорливого слова, которое сегодня, на новом этапе борьбы простых людей мира за мир, звучит как боевой призыв к единению прогрессивного человечества в борьбе против новых факельщиков войны.

Горький—гениальный художник слова, вершина гуманистической мысли человечества в искусстве,—являет собой пример революционного мышления, кровного, полного слияния личности писателя с народом. Горький для советского писателя — высокий, благороднейший образ нового человека, творца нового мира.

Приезжаем ли мы к строителям Гюмушгэс, говорим ли с ученым, нашедшим новый сорт пшеницы, или со строителем водных каналов, знакомимся ли с людьми металлургического завода Урала, с колхозниками Украины, с мастерами высотных строек Москвы,—мы слышим как всюду звучат для нас великие слова Горького, всего себя, посвятившего советскому человеку: «У нас есть люди, достойные песен, и все больше становится таких людей».

Горький своей мудрой любовью к человеку страны социализма воспитывает в нас, писателях, чувство глубокой ответственности перед читателем, утверждая, что никогда и нигде в мире не было читателя, заслуживающего такого уважения и любви, такой добротной литературной продукции, как читатель страны Советов.

Сейчас, когда вопросы литературного мастерства со всей принципиальностью и конкретностью поставлены великой партией Ленина—Сталина перед писателями, письма, статьи, отдельные высказывания, доклады Горького, его всесторонний анализ произведений, его творчество, как высокий пример требовательности мастера слова к себе, являются для нас образцами того, как нужно ставить и решать эти вопросы.

«Художник—чувствилище своей страны, своего класса, ухо, око и сердце его; он—голос своей эпохи»—говорил Горький; и, чтобы этот голос был чист, выразителен и точен в передаче нового миропонимания нового человека, писатель должен в совершенстве владеть всеми богатствами художественного слова: его точностью, выразительностью, силой образов.

Горький завещал нам вести ежедневную, упорную борьбу за чистоту языка, за подлинную народность и богатство его звучания, за освобождение от плена диалектизмов, иностранщины и модернистски уродливых словонагромождений формалистов, от стершихся выражений.

«Борьба за чистоту, за смысловую точность, за остроту языка есть борьба за орудие культуры. Чем острее это орудие, чем более точно направлено,—тем оно победоносней», — писал Горький.

Советские литераторы по праву могут назвать себя наследниками Горького. Это они создали в литературе героический образ советского человека в труде и боях Великой Отечественной войны, это те писатели-солдаты мира, кто по-горьковски срывают маски с поджигателей войны, для кого судьба сражающейся Кореи, Вьетнама — своя личная судьба, кто борется в рядах передового человечества за его освобождение, чьи герои ведут борьбу с засухой, насаждают молодые леса, по-большевистски трудятся на великих сталинских стройках коммунизма.

Горький со всей силой всегда молодых, сильных и свежих образов, сказал человечеству: «большевизм единственная, боевая, руководящая идея в творчестве, в живописи словом».

«Радостно жить и бороться в стране, где великая мудрость партии и железная воля ее вождя Иосифа Сталина навсегда освобождает человека от проклятых навыков и предрассудков прошлого... писал Горький.— Любите вашу вторую мать, могучую социалистическую нашу Родину».

Ашот ГРАШИ.